

7525

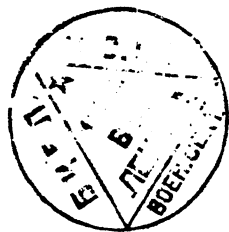
357

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны
Новиковой).

Составлено г-мъ W. T. Stead.

Переводъ Е. С. Мосоловой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. «Электро-типогр. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1909.

2004175278

op - 44050-110

1/11

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Госпожа Новикова“ — сказалъ лордъ Биконсфилдъ въ грозные дни жестокаго Болгарскаго волненія 1876—78 г., „я называю госпожу Новикову членомъ Парламента для Россіи въ Англіи“.

Въ то время на эти слова не посмотрѣли, какъ на дружеское замѣчаніе. Прошло тридцать лѣтъ, и они превратились въ чрезвычайный комплиментъ. Лордъ Биконсфилдъ, искусный въ лести, никогда не произносилъ болѣе тонкаго комплимента, какъ тотъ, который онъ сказалъ г-жѣ Новиковой, потому что въ самый критическій періодъ англо-русскихъ отношеній 1876—1880 г. г-жа Новикова была лучшей представительницей Россіи, чѣмъ кто-либо другой.

Послы представляютъ правительство, члены Парламента представляютъ народъ. Какъ представительница русской націи, въ то время, какъ эта нація освобождала болгарскихъ христіанъ, г-жа Новикова пріобрѣтаетъ право быть привѣтствуемой премьеромъ Англіи, какъ членъ Парламента для Россіи, въ Англіи.

Со времени посѣщенія королемъ Царя въ Ревель въ іюні 1908 г. выражалось общее удовлетвореніе по поводу счастливаго окончанія переговоровъ между Sir Edward Grey и Lord Morley съ одной стороны и г. Извольскимъ съ другой о заключеніи англо-русскаго соглашенія. Можно поздравить другъ друга съ тѣмъ, что теперь, впервые, почти оффиціально, признаны Россія и Англія друзьями, что интересы ихъ на Востокѣ нисколько не служатъ предметомъ антагонизма, и что онѣ могутъ существовать на этомъ континентѣ въ мирѣ и согласіи. Но, воздавая честь дѣятелямъ, увѣнчавшимъ это зданіе международнаго доброжелательства, мы не должны были бы забывать о тѣхъ, кто положилъ ему основу. Либеральные министры иностранныхъ дѣлъ и секретари Индіи могутъ теперь заключать соглашеніе съ Россіей, но оно было бы невозможно безъ работы тѣхъ пионеровъ, которые во время бурь клали широко и глубоко въ нравственное сознаніе обѣихъ націй основы,

г-жѣ Новиковой издать ея переписку. Мое положеніе издателя обусловливается тѣмъ, что во все время этого критическаго періода, она была постоянной участницей въ „Сѣверномъ Эхо“ (Northern Echo), что я былъ въ тѣсномъ общеніи съ ней, и оба мы стояли во главѣ самой жаркой битвы. Мнѣ служить большимъ удовлетвореніемъ чувство, что, издавая эту книгу, я хотя бы въ малой части могу уплатить тотъ долгъ, который мы въ Англіи, по крайней мѣрѣ, имѣемъ предъ г-жей Новиковой.

Предпринять эту работу у меня тѣмъ менѣе колебаній, что г. Гладстонъ довѣрилъ мнѣ свои бумажки, въ которыхъ заключается большая часть его переписки съ г-жей Новиковой, для того, чтобы я написалъ исторію національнаго протеста противъ союза съ Турціей, начавшагося въ 1876 г. и дошедшаго до кульминаціоннаго пункта въ 1880 г. Я никогда не былъ въ состояніи написать эту книгу, хотя г. Карлейль очень заботился о томъ, чтобы я исполнилъ свое намѣреніе. Въ настоящей книгѣ я имѣю случай выполнить часть моей задачи, настолько, насколько она относится къ участию г-жи Новиковой въ этомъ движеніи. Г. Гладстонъ говорилъ мнѣ, что ничего не имѣетъ противъ изданія каждаго письма, написаннаго имъ г-жѣ Новиковой, и самъ далъ мнѣ нѣсколько ея писемъ къ нему съ цѣлью описанія исторіи того времени. Несмотря на это полнѣйшее разрѣшеніе лично со стороны г. Гладстона, г-жа Новикова предпочла отложить опубликованіе корреспонденціи до болѣе благоприятнаго времени. Къ тому же она это считала болѣе соответствующимъ съ желаніемъ не г-на Гладстона, а г-жи Гладстонъ, которая, сообщая ей о позволеніи г. Гладстона дѣлать благоразумное и осторожное употребленіе изъ его писемъ, прибавила предостереженіе, доказывающее, что при тогдашнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, она боялась, что можно повредить дѣлу, если будетъ извѣстна ихъ переписка. Я привожу здѣсь это письмо г-жи Гладстонъ. Годъ не былъ поставленъ, а такъ какъ оно было передано изъ рукъ въ руки, то и почтовой марки на немъ не было, которая могла бы указать, въ какое время оно написано: повидимому, оно написано въ самый разгаръ борьбы, т. е. въ періодъ 1876—1880 г.

4-е Января.

„Только одну строчку, дорогая Madame Novikoff. Посылаю Вамъ письмо, полученное моимъ мужемъ, которое Вамъ, по его мнѣнію, стоитъ прочитать. Онъ мнѣ говоритъ, что Вы стѣсняетесь пользоваться его письмами, но Вы имѣете полное право дѣлать изъ нихъ благоразумное и осторожное употребленіе: въ этомъ я увѣрена.

Мой взглядъ таковъ: Вы должны очень остерегаться говорить о томъ, что получаете письма, потому что это могло бы повредить при теперешнемъ настроеніи мыслей у насъ (at home). Вы меня поймете.—Ваша искренно

Екатер. Гладстонъ (Cath Gladston).“

Г-жа Новикова молчала почти тридцать лѣтъ и согласилась на то, чтобы я сдѣлалъ благоразумное и осторожное употребленіе писемъ черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти г. Гладстона, когда ревнивое состояніе народнаго духа, могущее принести вредъ какому бы то ни было дѣлу или лицу, не существуетъ болѣе. Можетъ ли скромность идти далѣе?

Книга, однако, обнимаетъ гораздо болѣе широкій кругъ человѣческихъ интересовъ, чѣмъ состязаніе, возникшее изъ-за болгарскихъ жестокостей и Сербской войны 1876 г. Салонъ г-жи Новиковой былъ одно время самымъ блестящимъ политическимъ центромъ Лондона. Она собирала вокругъ себя самыхъ замѣчательныхъ политиковъ и самыхъ знаменитыхъ ученыхъ того времени. Г. Кинглекъ и г. Карлейль, г. Фрудъ и г. Леки, лордъ Кларендонъ и г. Вилльерсъ, графъ Бейстъ, графъ Биландтъ, серъ Макензи Уолассъ, серъ Робертъ Моріеръ, Канонъ Лиддонъ, Авраамъ Гейуардъ и профессоръ Тиндаль были далеко не всѣ звѣзды въ той плеядѣ, гдѣ г-жа Новикова была центромъ. Съ возникновенія Русско-Японской войны г-жа Новикова прекратила свои пріемы. Но всю свою жизнь она вела переписку съ замѣчательнѣйшими людьми нашего времени, воспоминанія которыхъ проливали яркіе лучи свѣта на жизнь Европы въ послѣднюю четверть вѣка.